

Гарриет
БИЧЕР-СТОУ

ХИЖИНА
ДЯДИ ТОМА

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 67

Перевод с английского Веры Вальдман
Серийное оформление Евгения Савченко

ISBN 978-5-389-13722-6

© В. С. Вальдман (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА I, в которой читатель знакомится с «гуманным» человеком

Суровый февральский день склонялся к вечеру. В маленьком городке П., в штате Кентукки, два джентльмена сидели в уютной столовой за бокалом вина. Они были одни. Сдвинув поближе стулья, джентльмены углубились в серьезный деловой разговор.

Мы из вежливости сказали «два джентльмена», но, строго говоря, это определение вовсе не подходило к одному из собеседников. Это был невысокий коренастый человек с грубыми, маловыразительными чертами лица. Он держал себя с наглостью и напыщенностью, свойственными людям, которые, не стесняясь в средствах, пробивают себе путь к успеху. Одет он был с большой претензией — его пестрый жилет и синий в желтую крапинку галстук, завязанный огромным замысловатым узлом, вполне подходили к его крикливо-франтоватому виду. Грубые пальцы его рук были унизаны множеством колец, и на тяжелой золотой цепочке от часов болтались самые разнообразные брелоки, которыми он самодовольно позвякивал в пылу разговора. Речь его отнюдь не соответствовала правилам грамматики, и сдабривал он ее время от времени такими красочными проклятиями, которые я, при всем моем стремлении к наибольшей правдивости, не могу здесь привести.

Его собеседник, мистер Шельби, производил впечатление человека образованного. Вся окружающая обстановка свидетельствовала об обеспеченности и даже зна-

чительном материальном благополучии. Оба собеседника были поглощены разговором.

— Вот именно так я и желал бы уладить это дело, — произнес мистер Шельби.

— На такие условия я не могу согласиться, никак не могу, мистер Шельби! — ответил его собеседник, приподняв бокал и рассматривая на свет налитое в него вино.

— Но примите во внимание, Хеллей: Том в самом деле замечательный парень и, безусловно, стоит этой суммы. Он спокоен, честен, умен, так что всю работу на плантации он наладил, как часовой механизм.

— Вы имеете в виду: честен, как может быть честен негр, — заметил Хеллей, наливая себе рюмку бренди.

— Нет, я имею в виду настоящую честность. Том — хороший, работающий, разумный и благочестивый человек. Я доверил ему все мое имущество: деньги, дом, лошадей, разрешил ему свободно передвигаться по окрестностям. Он вполне оправдал мое доверие.

— Немало людей, Шельби, считают, что верующих негров не бывает, — с ударением произнес Хеллей. — Но я готов допустить, что ваш Том верующий. В последней партии, которую я пригнал в Орлеан, был один — стоило послушать, как эта скотина молилась! Лучше всякой проповеди! И притом — кроткий, покладистый. Ну и заработал я на нем порядочно деньжонок! Я приобрел его на аукционе — продавалось имущество несостоятельного должника, и достался он мне чуть не даром. Я получил на нем шестьсот долларов чистой прибыли! О да! Благочестие у негра — вещь ценная, разумеется, если товар неподдельный.

— Что касается Тома, его благочестие и преданность — товар, во всяком случае, неподдельный, — промолвил мистер Шельби. — Не далее как прошлой осенью я послал его одного по моим делам в Цинциннати¹.

---

¹ *Цинциннати* — город в штате Огайо, откуда невольник легче всего мог бежать в Канаду.

Он должен был привезти мне пятьсот долларов. «Том, — сказал я ему, — я доверяю тебе, зная, что ты человек честный и порядочный. Ты меня не обманешь». И Том действительно вернулся. Я знал, что так будет. По имеющимся у меня сведениям, какие-то негодяи спрашивали его, почему он не удрал в Канаду. «Мой господин доверял мне, — ответил Том, — поэтому я не мог так поступить». Вся эта история стала мне известна. Должен признаться, что мне очень тяжело расстаться с Томом. Вам следовало бы, Хеллей, принять его в покрытие всего долга; вы так и поступили бы, будь у вас совесть.

— Ого! Совести у меня ровно столько, сколько нужно деловому человеку. Ровно столько, чтобы при случае поклясться ею, — продолжал в шутовском тоне торговец. — Кроме того, я готов сделать все в пределах разумного, лишь бы услужить моим друзьям. Но то, что вы предлагаете, — это уж через край! Этого я не могу. — При этом Хеллей, вздохнув, снова наполнил до краев свой бокал.

— Так как же, Хеллей? Какие условия вы ставите?

— Неужели у вас не найдется мальчишки или девчонки, которых вы могли бы продать вместе с Томом?

— Хм, право, не знаю... Говоря по совести, меня только тяжелая необходимость заставила прибегнуть к продаже. Мне не хотелось бы расставаться ни с кем из моих людей.

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вбежал мальчик-квартиронец¹ лет четырех или пяти. Ребенок был на редкость красив и привлекателен. Черные шелковистые кудри обрамляли круглое личико с ямочками на щеках, а большие темные глаза, одновременно мягкие и огненные, из-под густых, длинных ресниц с любопытством оглядывали присутствующих. Аккуратно сшитое платьице из красной с желтыми квадратиками материи

---

¹ *Квартиронец* — человек, у которого одна четверть крови негритянская (от *лат.* «кварта» — четверть).

хорошо сидело на его маленькой фигурке и очень шло ему. Забавная застенчивость, смешанная с известной уверенностью, показывала, что он привык встречать ласку и внимание со стороны своего господина.

— Хелло, Гарри-галчонок! — крикнул мистер Шельби и, свистнув, бросил ему гроздь темного винограда. — На, подбери!

Ребенок кинулся со всех ног за подачкой.

— Подойди-ка сюда, Гарри-галчонок! — смеясь, позвал его Шельби.

Мальчик подошел, и Шельби, погладив его по кудрявой головке, взял его за подбородок.

— Ну вот, а теперь покажи нашему гостю, как ты умеешь петь и танцевать.

Мальчуган сразу же своим чистым, звучным голоском затянул одну из полудиких, забавных песенок, которую часто поют негры, сопровождая пение целым рядом комических движений рук, ног и всего тела. Видно было, что он всем существом ощущает ритм.

— Bravo! — воскликнул Хеллей, бросая ему четвертушку апельсина.

— А теперь, Гарри, покажи, как ходит старый дядя Кудж, когда его мучает ревматизм! — крикнул мистер Шельби.

Гибкие члены мальчика сразу же словно скрючились и стали неподвижны. Сгорбившись и опираясь на палку своего господина, он заковылял по комнате, сплевывая по сторонам.

Сидевшие за столом хохотали во все горло.

— А теперь, Гарри, покажи-ка, как Роббинс, председатель церковного совета, запекает псалом.

Ребенок по мере сил вытянул свое пухленькое личико и с непоколебимой торжественностью гнусаво затянул какую-то церковную мелодию.

— Ура! Bravo! — завопил Хеллей. — Вот молодец! Из него выйдет толк! Я вам кое-что скажу, — добавил он неожиданно шепотом, хлопнув Шельби по плечу. —

Прикиньте этого мальчугана, и дело в шляпе. Давайте по рукам, и все будет в порядке...

Дверь тихо раскрылась, и вошла молодая квартиронка лет двадцати пяти.

Достаточно было перевести взгляд с ребенка на эту женщину, и сразу можно было угадать, что это его мать. У нее были такие же темные блестящие глаза, такие же шелковистые черные вьющиеся волосы. На смуглых щеках ее проступил заметный румянец, еще более сгустившийся, когда она поймала на себе беззастенчивый, полный восхищения взгляд незнакомого человека, сидевшего за хозяйским столом. Платье плотно облегло ее стан, обрисовывая прекрасные линии ее тела. Красивые руки, изящная форма ног — ничто не ускользнуло от внимательного взора торговца, умевшего сразу определить ценность добротного женского товара.

— Что тебе, Элиза? — спросил мистер Шельби, заметив, что она в нерешительности глядит на него.

— Простите, мастер¹, я пришла за Гарри.

Мальш подбежал к ней, хвастая добычей, которую он завернул в подол своего платья.

— Хорошо, уведи его, — сказал Шельби, и она, поспешно подхватив на руки ребенка, вышла из комнаты.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул торговец, с восхищением оборачиваясь к хозяину дома. — Вот это товарец! На этой девушке вы можете в любое время, если захотите, заработать в Орлеане состояние. Мне случилось видеть, как платили по тысяче долларов за девочек, которые были ничуть не лучше этой.

— Я не намереваюсь наживать на ней состояние, — сухо возразил Шельби. Желая переменить тему разговора, он откупорил новую бутылку вина. — Отведайте, — произнес он, обращаясь к Хеллею, — и скажите, какого вы мнения об этом напитке.

---

¹ *Мастер* — хозяин раба.

— Великолепно, сэр! Первый сорт! — объявил торговец, затем, фамильярно похлопав мистера Шельби по плечу, он продолжал: — Ну так как же? Согласны вы заключить сделку насчет девушки? Что вам предложить? Сколько вы за нее хотите?

— Мистер Хеллей! Я не могу продать ее. Жена моя не согласится отдать ее ни за какие деньги.

— Чепуха! Женщины болтают всякий вздор потому, что не умеют считать. Разъясните им только, сколько часиков, шляп, драгоценностей они смогут купить за эти деньги, и они начнут по-новому смотреть на дело.

— Я уже сказал вам, Хеллей, что об этом и речи быть не может. И уж если я сказал: нет — значит нет! — решительно заявил Шельби.

— Но мальчишку вы мне все же добавите, Шельби. Вы должны отдать мне справедливость: я предложил за него хорошую цену.

— На что вам, черт возьми, дался этот ребенок?

— Штука в том, что у меня есть приятель. Он скупает красивых мальчиков и выращивает их для рынка. Это предмет на любителя: красивые слуги для богачей, которые могут выложить достаточную сумму. По-настоящему красивый мальчик, открывающий дверь и подающий к столу, — украшение для хорошо поставленного дома. На этих ребятах можно хорошо заработать. А ваш маленький чертенок такой забавный да еще музыкальный зверек, что вполне подойдет для такой цели.

— Мне очень не хотелось бы продавать его, — проговорил в задумчивости Шельби. — Я человек гуманный, и мне неприятно отнимать ребенка от матери.

— В самом деле?.. Да это и вполне естественно, я вас понимаю. Нелегко подчас бывает управиться с этим женским полом. Их визг и рев мне тоже невтерпеж. Да и работе мешают. Поэтому я свои дела обычно устраиваю так, что мне всего этого слышать не приходится. А что, если б вы эту женщину на денек-другой куда-нибудь

услали? Все было бы кончено раньше, чем она вернется домой. Ваша жена могла бы купить ей пару сережек, платье или другую ерунду, чтобы ее успокоить.

— Боюсь, что это не уладит дела.

— Да, разумеется, уладит! Эти существа ведь не похожи на белых: они все переживут, лишь бы умно взяться за дело. Говорят, — произнес Хеллей, придавая своему лицу чистосердечное и благодушное выражение, — говорят, будто бы моя деятельность убивает всякую чувствительность. Но я с этим не согласен. Я никогда не действовал теми способами, к которым прибегают другие. Мне приходилось встречать торговцев, которые вырывали ребенка из рук матери и выставляли его тут же на продажу, тогда как женщина здесь же рядом вопит как зарезанная. Крайне неразумно! Портит товар, может привести его в полную негодность. Я помню случай, когда красивую женщину таким способом совершенно загубили. Покупатель, который приобрел ее, ни за что не хотел брать ребенка, а она, когда в ней закипала кровь, становилась упряма, как животное. Представьте себе только: она изо всех сил прижала к себе детеныша, болтала всякий вздор и вообще вела себя черт знает как. Меня в дрожь бросает при одном воспоминании. Когда у нее вырывали ребенка, она совсем осатанела, а неделю спустя умерла. Чистый убыток в тысячу долларов, и все из-за недостатка осторожности — больше ничего. Гораздо разумнее, как подсказывает мне опыт, действовать по возможности гуманно.

Торговец откинулся на спинку стула. Лицо его выражало уверенность в собственной добродетели.

Шельби задумчиво чистил апельсин, а Хеллей все никак не мог расстаться с увлекшей его темой:

— Самого себя хвалить обычно не полагается. Я говорю об этом только потому, что это сущая правда. За мной укоренилась слава, что я обычно пригоняю на рынок самые лучшие гурты негров. По крайней мере, так

мне многие говорили в лицо. Я проделывал это не раз и не два, а сотни раз, и всегда все в отличном состоянии: толстые, упитанные. Кроме того, ни у одного другого торговца нет такой малой убыли. Все это я отношу за счет моего способа обращения, основой которого является человеколюбие.

Шельби не нашелся что ответить и поэтому только неопределенно протянул:

— В самом деле?

— Случалось, меня за мои принципы высмеивали и пытались убедить, что я не прав. Но я крепко стоял на своем и заработал на этом немало денег. Клянусь богом, мои принципы окупилась!

Торговец захохотал, полагая, что удачно сострил.

Это представление о гуманности было так противоположно и нелепо, что Шельби не мог удержаться и расхохотался вместе с ним. Быть может, смеешься и ты, читатель, но ведь тебе известно, что гуманность у нас в Америке проявляется в самой неожиданной форме и «гуманные» люди подчас говорят и делают совсем неожиданные вещи.

Смех Шельби подбодрил торговца, и он продолжал:

— Просто удивительно, что мне никак не удавалось вбить это в головы тем, с кем приходилось иметь дело. Вот знали бы вы моего компаньона Тома Локера там, на Юге, в Нахчеце. Том Локер был умный парень, но по отношению к неграм — настоящий черт. И знаете — из чистого принципа. Это была его *система*, и все тут. Случалось, я делал попытку урезонить его. «Том, — говорил я ему, — что пользы бить твоих девок по голове и толкать их, когда они кричат и режут? Это просто смешно да к тому же бесполезно. Что до меня, то я никакого преступления в том, что они режут, не вижу. Это вполне естественно, — говорю я ему, — и если природе не дать волю в одном, она себя проявит в другом. В общем, Том, — объясняю я ему, — ты портишь таким образом

своих женщин. Они становятся болезненными, вешают нос, даже дурнеют, особенно желтые девушки, и приходится затрачивать чертовски много труда, пока они привыкают к обстановке. Почему бы тебе лучше не сказать им пару добрых слов, не польстить им? Поверь мне, Том, иногда немного гуманности принесет больше пользы, чем твоя брань, да и доходу даст больше, говорю я тебе». Но Том никак не мог с этим согласиться и столько экземпляров мне перепортил, что пришлось с ним расстаться, хоть он и был добродушнейший парень и дельный коммерсант.

— Значит, вы считаете вашу систему в делах более продуктивной, чем система Тома? — спросил Шельби.

— Разумеется. Я убежден в этом. Видите ли, я всегда при неприятных обстоятельствах (а ведь в нашей отрасли приходится сталкиваться со всякими историями, например при продаже малышей) принимаю меры предосторожности: отсылаю женщин куда-нибудь подальше с глаз долой, понимаете? А потом, когда все уже свершилось и ничего изменить нельзя, они понемногу привыкают. Ведь все это не так, вы сами понимаете, как у белых, которые вырастают в надежде сохранить при себе жен и детей. Негры, знаете ли, если получают надлежащее воспитание, вообще ничего не ждут от жизни, так что такие штуки переживают гораздо легче.

— В таком случае, — произнес Шельби, — я очень опасюсь, что мои негры воспитаны не так, как следует.

— Я тоже так думаю. Вы здесь, в Кентукки, балуете ваших людей. Вы руководствуетесь добрыми намерениями, но неграм вы вовсе не оказываете этим услугу. Негру, видите ли, предстоит мыкаться по свету. Его могут продать Дику, или Джиму, или еще бог весть кому, поэтому ему только вред приносят, приучая его к каким-то правам. Тем труднее ему потом переносить предстоящие невзгоды. Я убежден, что ваши негры, попав в такое место, где остальные негры вопят от восторга, будут чув-

ствовать себя бог весть какими несчастными. Каждый, разумеется, считает свой способ наилучшим. По-моему, я обращаюсь с моим черным товаром отлично... Особенно если товар того стоит.

— Счастлив тот, кто собой доволен, — сказал Шельби, пожимая плечами и явно испытывая какое-то неприятное чувство.

— Так как же, — спросил Хеллей, после того как они некоторое время сидели молча, углубившись в свои мысли, — что вы скажете на мое предложение?

— Я еще подумаю, — ответил Шельби, — и посоветуюсь с женой. Но вам, Хеллей, я настоятельно рекомендую пока держать в строжайшей тайне цель вашего приезда в эти места. Иначе вряд ли удастся осуществить все это в той спокойной форме, о которой вы только что говорили. Пойдут разговоры среди моих негров, и как только об этом узнает жена Тома, поднимется шум и плач, можете мне поверить.

— Конечно, конечно! Лучше держать язык за зубами. Но должен вас предупредить: я чертовски спешу и хотел бы твердо знать, как обстоят дела, — сказал Хеллей, поднявшись и накидывая плащ.

— Зайдите сегодня между шестью и семью часами, и вы получите ответ, — произнес Шельби.

Хеллей поклонился и вышел из комнаты.

— Ах, если б я только мог спустить с лестницы этого мерзавца со всей его наглой самоуверенностью! — прошептал Шельби, когда дверь захлопнулась за посетителем. — Но я хорошо знаю, какие у него преимущества. Если б мне кто-нибудь в прежние годы сказал, что я когда-нибудь продам Тома какому-то бесчестному торговцу невольниками, который переправит его на Юг, я, наверное, ответил бы: «Разве мой негр — собака, чтобы я продал его?» А теперь я вижу, что это стало неизбежным. Да еще мальчика Элизы! Какой шум подымет же-

на уже из-за одного Тома... А все долги... — Он вздохнул. — Этот негодяй прекрасно понимает, что держит меня в руках, и хочет использовать положение...

В штате Кентукки положение невольников по сравнению с положением рабов на Юге относительно сносное. Сельские работы протекают в спокойной последовательности, там неизвестны периоды горячечной спешки и напряжения, которые в южных районах повторяются через определенные промежутки времени. Поэтому работа негров в Кентукки здоровее и менее утомительна.

Человек, случайно посетивший какую-нибудь из плантаций в тех краях, подчас бывает готов охотно поверить распространяемым легендам о якобы «патриархальном» быте и добропорядочных взаимоотношениях между господами и их рабами. Но — увы! — и там на эти отношения падает мрачная тень — *тень закона*, который рассматривает рабов — эти человеческие существа с бьющимся пульсом и живыми чувствами — как бездушные предметы.

Шельби по сравнению с другими рабовладельцами мог считаться человеком более передовых взглядов. Он старался не допускать, чтобы негры в его поместьях терпели недостаток в чем-либо, что требовалось для поддержания их сил. Но в связи с мало продуманными деловыми операциями он запутался в долгах, и его векселя на крупную сумму попали в руки Хеллея.

Это краткое сообщение должно послужить ключом к объяснению предшествующей сцены.

Элиза, приближаясь к дверям, уловила обрывки разговора, происходившего в комнате. Она поняла, что работорговец предлагал хозяину продать одного из его негров.

Когда она затем, взяв ребенка, вышла из комнаты, ей захотелось остановиться за дверью и дослушать разговор до конца. Но в эту минуту ее позвала госпожа.

Она не могла отделаться от мысли, что торговец предлагал продать ему ее мальчика. Ошибалась ли она? Сердце ее затрепетало, и она с такой силой прижала к себе ребенка, что малыш с удивлением поглядел ей в лицо.

— Что с тобой случилось? — спросила миссис Шельби, когда Элиза, уронив на пол кувшин с водой, затем по рассеянности достала из платяного шкафа и подала своей госпоже длинный халат вместо требуемого шелкового платья.

Элиза вздрогнула.

— О миссис! — прошептала она. Глаза ее наполнились слезами, и она, вдруг опустившись на стул, горько разрыдалась.

— Да скажи же, что с тобой приключилось, Элиза?

— О миссис, миссис! — воскликнула Элиза. — Внизу, в столовой, сидит торговец. Он о чем-то разговаривает с хозяином... Я слышала...

— Так что ж в этом страшного, глупенькая ты?

— О миссис, неужели это возможно, чтобы наш господин решил продать моего Гарри? — Несчастливая женщина, откинувшись на спинку стула, зарыдала еще громче.

— Продать Гарри? Глупая ты! Да разве ты не знаешь, что господин никогда не заключает сделок с торговцами с Юга и никогда не продает никого из своих рабов? Неразумное дитя! Да кто же захочет купить твоего Гарри? Не воображаешь ли ты, что все на свете так восхищены им, как ты? Перестань плакать и подойди лучше сюда. Застегни мне платье, заплети косы и уложи их в такую прическу, которую тебя недавно научили делать. А главное — не подслушивай больше у дверей.

— Но, миссис... вы не дали бы своего согласия... если бы все-таки?..

— Какие глупости, девочка! Разумеется, нет. Как ты можешь говорить такие вещи? Это так же невозможно

для меня, как продать кого-нибудь из моих собственных детей. Но право же, Элиза, ты чересчур уж гордишься своим мальчуганом. Стоит только кому-нибудь сунуть нос в дверь — и ты уже убеждена, что пришли покупать твоего сына.

Успокоенная тоном своей госпожи, Элиза ловко и быстро помогла ей одеться и сама уже готова была смеяться над своими страхами.

Миссис Шельби была женщина благородная и честная. Доброта и великодушие подкреплялись у нее глубокой принципиальностью и твердостью убеждений.

Муж ее глубоко ценил эту непоколебимость и твердость ее взглядов. Необходимость сообщить жене о своих переговорах с Хеллеем и о том решении, к которому он вынужден был прийти, до чрезвычайности угнетала его. Он был уверен, что натолкнется на самое страстное сопротивление с ее стороны.

Миссис Шельби, находившаяся в полнейшем неведении относительно денежных затруднений своего мужа, зная к тому же его доброту и мягкосердечие, была вполне искренна, когда старалась рассеять опасения Элизы. Не испытывая поэтому никакого беспокойства и собираясь отправиться в гости, она совсем забыла о своем разговоре со служанкой.

ГЛАВА II

Мать

Элиза выросла и воспитывалась в доме своей госпожи. Ее баловали как общую любимицу.

Тем, кому приходилось путешествовать по южным районам, должны были броситься в глаза своеобразное изящество, мягкий голос и миловидность, которыми так

часто отличаются мулатки¹ и квартеронки. У квартеронков этой особой, свойственной им привлекательности нередко сопутствует и ослепительная красота.

Защищенная от всех невзгод заботливостью своей госпожи, Элиза расцвела, превратившись в красавицу-девушку, не подвергаясь при этом тем соблазнам, которые подчас превращают для рабыни ее красоту в роковой источник гибели. Она вышла замуж за умного, развитого и талантливое молодого мулата по имени Джордж Гаррис, принадлежавшего одному из соседних плантаторов.

Этот молодой человек был отдан своим хозяином внаем на ткацкую фабрику, где благодаря своей ловкости и живому уму слыл лучшим рабочим. Он изобрел машину для очистки хлопка, которая, если учесть уровень знаний и положение изобретателя, свидетельствовала о его исключительных способностях в области механики.

Красивый, умевший прекрасно и с достоинством держаться, Джордж Гаррис пользовался на фабрике всеобщими симпатиями. Ввиду того, однако, что он перед лицом закона был не более чем вещь, все эти исключительные способности оказывались собственностью узколобого, бездушного тирана-хозяина. Услышав об изобретении Джорджа, он прискакал на фабрику с целью лично убедиться в том, что сумела сделать его «живая собственность». Владелец фабрики встретил хозяина Джорджа очень предупредительно и поздравил его с тем, что он владеет таким ценным рабом.

Джордж водил своего хозяина по фабрике, показывал машины и в радостном возбуждении говорил так гладко, держался так прямо, выглядел таким красивым, что его господина охватило неприятное чувство от сознания соб-

---

¹ *Мулаты* — потомство от браков европейцев с неграми.

ственной неполноценности. На кой черт его рабу избреть какие-то там машины, свободно повсюду бегать и поднимать голову в присутствии белых людей? Он не замедлит положить этому конец. Он заберет его обратно, вернет к лопате и мотыге, и тогда посмотрим, будет ли он расхаживать с такой важностью! К величайшему удивлению владельца фабрики, он тут же потребовал плату, следуемую за работу Джорджа, и заявил о своем намерении забрать его с собой.

— Но, мистер Гаррис, — воскликнул фабрикант, — я этого никак не ожидал!

— Возможно. Но разве этот раб не моя собственность?

— Мы охотно повысили бы плату за него!

— Меня это вовсе не интересует. У меня нет необходимости отдавать своего раба внаем, когда мне этого не хочется.

— Но у него, по-видимому, к этому делу особые способности.

— Вполне возможно. Хотя до сих пор он никогда не проявлял особых способностей на тех работах, на которые я его ставил.

— Но вы только подумайте: ведь он изобрел эту машину! — воскликнул один из рабочих, не предполагая, что этими словами он вредит Джорджу.

— Еще бы: машину, которая сберегает труд! Не правда ли? Меня вовсе не удивляет, что он такую штуку изобрел. Это как раз дело, подходящее для негра. Все они только и мечтают, как бы поменьше работать. Пусть собирается!

Джордж, слыша эти слова из уст человека, власть которого над ним, как он знал, была ничем не ограничена, словно оцепенел. Скрестив руки, он крепко сжал губы, но в груди его клокотал вулкан самых горьких чувств. Его большие темные глаза сверкали, как раскаленные

уголья. Он тяжело переводил дыхание, и дело, возможно, кончилось бы опасной вспышкой, если бы фабрикант, коснувшись его руки, не шепнул ему:

— Подчинись, Джордж. Отправляйся сейчас с ним. Мы попытаемся как-нибудь помочь тебе.

Хозяин Джорджа уловил этот шепот, хотя не мог разобрать слов. Это еще больше утвердило его в намерении проявить всю силу власти, которой он обладал, над своей жертвой.

Джорджа доставили обратно в поместье и заставили выполнять самую грязную работу. Внешне он покорился, стараясь подавить каждое непочтительное слово, готовое сорваться с его уст, но сверкающий взгляд и мрачные складки, прорезавшие лоб, были достаточно красноречивы и служили лучшим доказательством того, что человека нельзя превратить в вещь.

Во время своей работы на фабрике Джордж познакомился с Элизой и женился на ней. Владелец фабрики благоволил к нему, и Джордж пользовался правом располагать свободным временем по своему усмотрению.

Миссис Шельби отнеслась к их союзу благожелательно. Со свойственной большинству женщин склонностью к сватовству она радовалась возможности выдать хорошенькую Элизу за человека ее же круга, который во всех отношениях так хорошо подходил к ней. Их обвенчали в большой гостиной Шельби, госпожа собственноручно украсила чудесные волосы невесты флердоранжем и приколола свадебную вуаль, которая, казалось, никогда не украшала более прелестной головки. Не было также недостатка ни в белых перчатках, ни в вине, ни в сладких пирогах, и собравшиеся гости восхваляли красоту невесты и щедрость госпожи.

В течение нескольких лет Элиза часто виделась со своим мужем, ее счастье было омрачено только смертью двух первых ее детей.

Бичер-Стоу Г.

Б 67 Хижина дяди Тома : роман / Гарриет Бичер-Стоу ; пер. с англ. В. Вальдман. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. — (Мировая классика).

ISBN 978-5-389-13722-6

Множество источников разной степени достоверности утверждают, что однажды при встрече с автором «Хижина дяди Тома» Авраам Линкольн якобы произнес такую фразу: «Эта маленькая леди начала великую войну». Роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) очень быстро приобрел мировую известность и признание. Написанная в характерном для девятнадцатого века сентиментальном стиле «женской прозы», эта книга тем не менее произвела грандиозный переворот в общественных настроениях, завоевав важное место не только в истории литературы, но и просто — в истории, поскольку самым благородным поводом к Гражданской войне между Севером и Югом стала борьба за отмену рабства. И в эту борьбу книга маленькой женщины внесла неоценимый вклад.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ
ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Александр Балабанов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ксения Казак, Ирина Сологуб

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.09.2024.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Груша „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Груша
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А,
Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Груша „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, к. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург к. «Издательская Груша
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А,
Тел.: (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AMC-21908-08-R